

Р. Г. Жамсаранова

ПЕГАЯ ОРДА, ИЛИ БОМА: СЕМАНТИКА ОНИМА И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Статья посвящена очередной попытке определения этноязыковой принадлежности одного из наиболее загадочных политонимов дорусской Сибири – Пегая Орда как наименования всего населения определенной территории без учета их этнической, языковой и культурной идентичности. Под политонимом Пегая Орда были объединены все кочевые народы Сибири в постмонгольскую эпоху. В домонгольскую (или монгольскую) эпоху в китайских хрониках зафиксирован политоним Бом «пеголошадные» (駃-马 [bo-ma] ‘пегая (пятнистая) лошадь’) или Алакчин (а также алаты) как именование некоего племени, имевшего пегих (по-другому, пестрых) лошадей. Если первая часть соционима Пегая Орда связана концептуальным значением с Бом, Алакчин, алаты и племя Олхонүүд монголов, основа которых связана с алтаеязычным апеллятивом алаг/алха ‘пестрый, пегий’, то вторая часть соционима Орда – с монгольским ард ‘1. арат, трудящийся; народ; ард түмэн *парн.* народ’. Локализация загадочных Бом соответствует ареалу монгольской ойкумены, что территориально совпадает с северо-восточной частью современного Забайкальского края, в том числе включая и северные территории Китая – Маньчжурию, Хулунбуир и Хайлар. Анализ значения данных онимов, ареально сопряженных с монгольской ойкуменой, позволил предположить о самоедоязычном начале онима Олхонүүд монголов, равно как и Бом, Алакчин и алат(ов). Заметим, что понятие «пестрый» имеет этнографическую фиксацию в ключевых образах бурят-монгольского мира. К тому же синонимичное Бом оним *хэцы* (или *хэла*), зафиксированное китайскими хронистами как другое именование народа Бом, мы сопоставили с генонимом Хуацай/Хоацай хори-бурят. Геноним Хуацай/Хоацай как именование одного из самых крупных родов восточной группы бурят – хори-бурят по своему значению сопоставим с антропонимом Хасаев, зафиксированного в ревизской описи инородческого населения Иркутской губернии Агинской степной думы за 1830 г., являющимся личным именем бурята рода Хуацай. Имя Хасаев (от имени Хаса) в ревизии бурят за 1830 г. мы сопоставляем с ненецким Хасё, однако при этом не исключая и возможности сопоставления данного исторического антропонима с самоназванием ненцев – хасава ‘1) мужчина; хасава цацкы мальчик’; хасава ню ‘сын’. Дальнейший анализ данного личного имени Хасаев позволил сравнить его значение с ненецким хасё ‘1. *образн.* мужчина; 2. (*с протисной*) Хасё (*имя собств. муж.*)’, что позволило нам предположить, что именно от этого имени, бывшего некогда эпонимом, и образовался геноним Хуацай. Самоедоязычное начало (и каких-то кетоязычных племен) наблюдается в генонимии хори-бурят и тунгусов Гантимура Нерчинского уезда XVII–XIX вв. как автохтонного населения исторической Даурии русского периода истории Восточного Забайкалья. На основе ономаσιологического подхода конструктивным явился метод концептуальной метафоры как результативного метода вкупе с методом концептуальной метонимии, позволяющий описать до-этнонимное и собственно этнонимное значения исторических онимов в проекции номадизма, имеющих самоедоязычное (и кетское в том числе) этноязыковое начало.

Ключевые слова: Бом, Пегая Орда, Алакчин, Олхонүүд монголов, китайское *хэцы*, геноним Хуацай/Хоацай хори-бурят, ревизские сказки 1830 г., пеголошадные, самоедоязычные племена, «пестрые»

Политоним Пегая Орда был функционально значимым онимом в монгольский период истории исследуемого ареала. Позже под названием Пегая Орда было известно родоплеменное объединение селькупов и кетов в бассейнах рек Нарыма и Томи, существовавшее в XVI в. Известно, что князья Пегой Орды являлись союзниками и их племена соседствовали с востока с Сибирским ханством (Пелих, 1980: 5–70). Более подробно о Пегой Орде, значении онима как именовании «одного из крупных военно-политических объединений селькупов периода колонизации Сибири во главе с предводителем Воней» описано в статье Л. А. Чиндиной (Чиндина, 2013: 91–96).

Для описания племен Западной Сибири использовали термин «Пегая Орда». В «Большом атласе» Блау 1665 г. на страницах, посвященных племенам Сибири, на изображении картографов XVII в., т. е. на карте Московского государства Романовых TABVLA RUSSIAE (с. 108–109), Сибирь очерчена всего лишь как левобережье Оби, Иртыша и Тобола в их нижнем течении. Это и понятно, так как колонизация Восточной Сибири и Дальнего Востока происходила позже, а потому та Сибирь – это, конечно же, не вся Сибирь. Отметим, что именно

правобережье реки Тобол и было занято на тот момент теми народами, которые на карте и обозначены как Югория и Пегая Орда. Происхождение онима «Пегая Орда», вероятно, связано с неким ранним онимом более раннего периода истории. Так, в период монгольской империи все территории были условно поделены на так называемые Орды, где вторая часть объяснима из лексики монгольского языка – ср.: монгольское ард ‘1. арат, трудящийся; народ; ард түмэн *парн.* народ’ (МРС, 1957: 42).

На основании этих фактов мы склонны также трактовать историю политонимов (соционимов), особенно таких, как Пегая Орда или Бома, к примеру, в ономастическом пространстве как онимы, имеющих собственно этнонимное (политонимное) значение наряду с до-этнонимным. В этом случае возможно не только сравнить и сопоставить их значения (собственно этнонимное и до-этнонимное) в историческом ракурсе, учитывая их историческую локацию. А также то, что в историческом развитии происходит так называемая «конвертация» исторического онима в более широкое понятие – к примеру, от этнонима в политоним. Примером конвертации этнонима в политоним, далее в соционим и обратно в этноним может служить история онима «татары». Под татарами известно полиэтническое население Поволжья – казанские татары, чуваша, отчасти марийцы, удмурты и другие народы после завоевания в XIII в. этой территории монголами и образования Золотой Орды. «Татарскими» назывались также ряд ханств, образовавшихся после развала Золотой Орды в XV в. Впоследствии уже в XVII в. данный политоним, однако уже в пределах Русского государства, конвертируется в соционим. Подобное явление, полагаем, могло произойти и с политонимом Пегая Орда, если учитывать и границы монгольских Орд, и процессы, характерные для содержательного плана самого онима.

По поводу не онима «Пегая Орда», а понятия «пегий» известно, что этот термин в русский язык вошел от кочевников и до XX в. использовалось только как определение масти лошадей (саврасый, чалый и др.). «Пестрым», «рябым» называли других животных (см.: Даль, 1903–1911).

Отметим, что, согласно Л. А. Чиндиной, оним «Пегая Орда» образован как оним от апеллятив пякк ~пяк ‘лось’ /сельк./, что, по мнению автора, позволяет интерпретировать как этноним «Большого Лося сильный народ», т. е. самоназвание. Однако при этом любопытно отметить наличие и атрибутива в селькупском языке пярэрал ~ пярэрэл ~ пярэры ~ пярэра ‘пятнистый, пестрый’ (СРДС, 2005: 203), которое семантически совпадает со значением слова ‘пегий’ < пятнистый/пестрый как синонима.

Однако существовала и другая «Пегая Орда», только эпохи монголов. В качестве иллюстрации данной гипотезы приводим условно картографический материал о функционировании Пегой Орды у монголов, исходя в первую очередь от трактовки слова «Орда» как именования монголами некоего соционима.

При этом известно, что Золотая Орда подразделялась на Белую Орду и Синюю Орду. Территориально Белая Орда, или Большая Орда, включала в свое ведомство Бухарское ханство, Казанское ханство, Касимовское ханство, Крымское ханство, Астраханское ханство, Хивинское ханство (Хорезм). Синяя Орда, или Ногайская Орда, включала территориально Большую Орду, Малую Орду, Сибирское ханство. А вот Пегая Орда территориально включала Узбекское ханство, Казахское ханство, а также Жузы: Старший, Средний, Младший. Джунгарское ханство, впоследствии Калмыцкое ханство, Чагатайское ханство (Кульджа) – впоследствии Бухарское ханство, Ильханидское ханство, основанное Тимуридами и известное потом как Империя Великих Моголов. Сама Монголия территориально включала Внешнюю (Халха) Монголию и Внутреннюю Монголию – современную АРВМ КНР. В Монгольскую империю входил и Китай как Империя Юань (Китай), а также Тибет и историческое Корё (Корея).

Из этой информации, размещенной на свободной платформе интернет-ресурсов, становится очевидным то, что определить территориально «границы» той или иной Орды даже гипотетически сложно. Наше обращение к этнониму «Пегая Орда» селькупов, которая, на наш взгляд, намного ранее существовала в монгольской ойкумене, только под другими именами – Бома, Алакчин или Олхонүүд, предопределено задачей анализа двух планов значения последних соционимов/политонимов.

Мы полагаем о двуплановости значения этнонимов, обусловленных, во-первых, временем функционирования, во-вторых, произошедшей объективно качественной трансформацией семантических связей в этнониме. Произошедшая историческая десемантизация этнонима приводит к возникновению (возможно, уже на другой языковой почве, в другом языковом сознании) народно-этимологической интерпретации семантики онима, что и наблюдается в некоторых работах, посвященных этнонимике. Поэтому важно при определении значения онима учитывать факторы временного среза, территории и морфологическую структуру ономастической единицы.

Следует иметь в виду и такой политоним, как Бома, который известен только из китайских источников, подробно описанный рядом исследователей (см.: Бичурин Н. Я., 1950; Гумилев Л. Н., 1960; Кюннер Н. В., 1961; Зуев Ю. А., 1962; Малявкин А. Г., 1989; Илюшенко С. И., 1985; Илюшин А. М., 2007; Ушницкий В., 2012. 2015), и претерпевший ряд изменений в своем значении. Историография Бома описана в статье А. М. Илюшина «Загадочная страна „БОМА“ раннего средневековья (по письменным и археологическим источникам)» и статье «Страна Бома. Миф или реальность» (см.: Илюшин, 2007: 109–113; <https://e-lib.gasu.ru/da/archive/2003/11/10.html>). А. М. Илюшин в своих трудах связывает народ Бома как с тюркоязычными, так и кето- и самоедоязычными племенами огромной Сибири, преимущественно Южной Сибири. В. Ушницкий в своих исследованиях делает попытки связать народ Бома с предками современных саха якутов (см. Ушницкий, 2012: https://academia.edu/31186824_pdf).

Однако в исторической ономастике важна реконструкция семантики этнонима в аспекте синхронии и диахронии, что обусловлено, во-первых, ограниченностью пространства этнического самосознания, во-вторых, локальностью своего распространения, в-третьих, знаковым характером онима, а также рядом конкретных мотивировочных признаков, функционально значимых для сознания людей давно ушедших эпох. Особая роль отведена и роли метафоры в содержательно-понятийном поле семантики онима. До-этнонимное значение сродни архетипам и обусловлено мифологией номадизма, переданы посредством описания сопутствующих коннотирующих фактов историко-этнографического характера и подтверждены фактами экстралингвистической интерпретации (Жамсаранова, 2013: 13–58).

При дешифровке значения онима чрезвычайно важным представляется также и учет деонимизации этнонима, когда нарушения разного рода контекстуальных типов связей трансформируются структурно и содержательно.

Для семантического поля этнонимного имени может быть характерно то, что оним наделяется коннотациями тогда, когда переносит деонимизацию (полную или частичную), обретая тем самым сигнификат. По-другому, в процессе деонимизации один тип связи «переходит» в качественно другой тип связи.

В качестве примера подобного явления можно привести описание как «загадочного народа Бома», так и Пегой Орды эпохи монголов (не поздних селькупов), тогда как именование потестарного объединения селькупов по своему описанному значению напрямую соотносится с мировоззрением поздних селькупов. И вот почему. Дело в том, что при описании таинственного народа Бома исследователи подчеркивают так называемый прозвищный характер их именованья, как, например, «пеголошадные», или Бома. То есть, другими словами, эти два соционима «объединяет» их значение, коррелирующее с лексемой «пегий» или «пестрый».

В «Синь тай шу» (история династии Тан) повествуется следующее: «Бома, которое иначе называется Била, или Элочжи, находится непосредственно к северу от тюрок туцзюэ, от столицы в 14 тысячах ли. <Останавливаются для жилья> в зависимости от наличия воды и травы, однако любят жить в горах. Отборного войска – 30 тысяч. В стране всегда выпадает много снега, деревья не сбрасывают листья. Поля пахут с помощью лошадей, масть лошадей пегая <бо>, поэтому и страна так называется <Бома>. <Территория страны> на севере доходит до моря. Хотя разводят лошадей, не ездят верхом, используют кумыс в качестве пищи. Часто воюют с кыргызами, внешне больше похожи на кыргызов, однако язык друг друга не понимают. Все бреют голову, носят шляпы из бересты. Связывают жерди наподобие колодезного сруба (оголовка), покрывают берестой, что и служит жилищем. Все <родоплеменные подразделения> имеют старейшин, которые не подчиняются один другому» (Малявкин, 1989: 106).

Н. В. Кюннер приводит сведения из китайского источника <Вэньсянь тункая>: «Туцзюэ, говоря о бома, называют (их) хэла (или хэцы), также государством Хэла (Хэцы). Их страны близки к Северному морю (Байкалу). Пройдя через (местности) пяти больших поколений туцзюэ, достигаешь (бома). Лошадей (имеют) 300 000 голов. Государство управляется сыгином.

Пределы их страны с востока на запад – один месяц езды, с юга на север – 15 дней езды. Их страна крайне холодна» (Кюннер, 1961: 52).

О том, что бома «были белокурым народом и населяли северные склоны Саяно-Алтая», писал Г. Е. Грумм-Гржимайло (Грумм-Гржимайло, 1926: 51, 59). А о том, что «бома были распространены, вероятно, очень широко: от Алтая до Байкала, рассеянными группами, как многие другие сибирские племена», делал вывод Л. Н. Гумилев (Гумилев, 1960: 40–41). Ряд исследователей локализуют бома на Енисее севернее современного Красноярска (Гумилев, 1967: 216–217; 263; Илюшенко, 1985). Территория Енисейско-Ангарского междуречья или северо-западного Прибайкалья также в работах Д. Г. Савинова, А. В. Харинского становилась ареалом расселения Бома (см.: Савинов, 1985; 1994: 127; Харинский, 2001: 15) в древнетюркское время.

По мнению А. Г. Селезнева, Бома «фигурируют на Алтае, предположительно, с суйского времени, а в районе верхних притоков Оби и на Среднем Енисее в цзиньскую и монгольскую (Юань) эпохи». Его идеи опосредованы тем, что «носители этого этнонима приняли активное участие в формировании археологических культур на территории Верхнего Приобья в раннем и развитом средневековье» (Селезнев, 1992: 28–32; 1994: 63–65; 69). Другой исследователь – Ю. А. Зуев – полагает о связи китайского названия Бома с населением, обитавшим в пределах Нарымского Приобья (см.: Зуев, 2002: 236). В итоге выявляется весьма обширная территория большей части Сибири, население которой в раннее Средневековье могла считаться теми самими Бома.

Однако для нас является чрезвычайно важным то, что во всех переводах у всех авторов зафиксирован отпрозвищный характер этнонима/политонима Бома как «пеголошадные». Также ценны их варианты в китайской передаче как <бице-бике>/<олочже>/<йылан>/<алаты>/<алааты>/<била>/<бицы>/<йелочжи>/<элочжи>/<били>/<гюньма>, которые рассматриваются как синонимы народа «бома» или отдельные его поколения (см.: Бичурин, 1950: 350; Грумм-Гржимайло, 1926: 13; Гумилев, 1960: 40; Кюннер, 1961: 353, 358; Савинов, 1994: 125–128; Селезнев, 1992; 1994: 63–65). Вот как об этом повествует Л. Н. Гумилев: «Итак, это был народ по сибирским масштабам крупный. К счастью, мы имеем подлинные названия его в китайской передаче: бице-бике и олочже» (Бичурин, 1950: 350).

Нас же в свою очередь привлекли такие именованья, как <йелочжи>/<элочжи>, сопоставимые с <йылан>/<алаты>/<алааты>, как варианты (искаженные по причине передачи) какого-то одного этнонима загадочного народа, известного как Бома. Добавим, что экзоним Бома (а не этноним, т. е. самоназвание) именно с китайского языка понимается как «пегий + лошадь», или «пеголошадные».

Этим языком, в лексике которого имеется схожее с китайским бо «пегий» значение, может оказаться какой-либо из алтайских языков: ср.: алха «пестрый, пегий» / тюрк./; /ма./; алаг 'I 1. полосатый, белобокий, пегий (о масти)' /бур./ (БРС, 1973: 39]; ал шара 'уст. красно-желтый'; алаг; эрээн 'пёстрота' / мо./ /1. цоохор, тарлан, эрээн 'пёстрый' /мо./ . Схожий с экзонимным китайских источников онимом <йелочжи>/<элочжи>, сопоставимые с <йылан>/<алаты>/<алааты> зафиксирован в юкагирском языке – «алайи *суц.* 'Алаец (человек из юкагирского племени алайи): Алайцы ловили рыбу вершой'» (ЮРС, 2001: 33), а также монгольский геноним олхонут(ы) – Олхонүүд.

Добавим мнение С. А. Гурулева, изложенное в его труде «Что в имени твоём, Байкал?», о динлинах как «самом загадочном» народе, что соседние тюркские народы называли динов (под которыми он понимает енисейских остяков, кетов, аринов, коттов) алакчин „пегий народ“» (см.: Гурулев, 1991: 36). Возникает закономерный вопрос, в отношении чего «возникло» понятие «пегий народ», что первично – «пеголошадные» или же «пегий народ»?

Из китайских источников мы знаем, что бома («пегие кони» – китайская калька тюркского выражения ала-ат) населяли северные территории от туцзюэ (древних тюрков). Часть из них расселялась в горах, покрытых хвойным лесом (а Восточное Забайкалье – это в основ-

ном горно-таежная территория). Алаты тюркского времени описываются как охотники и рыболовы: они «любят рыбную ловлю, промысляют рыбу, оленя, выдру, соболя... Мясо идет в пищу, а их шкура на одежду». Однако весьма любопытно и то, что у алатов развито пашенное земледелие и коневодство, причем на лошадях «верхом не ездили... а пользовались молоком».

Этноязыковая принадлежность Бома также является предметом разных версий: Бома были енисейскими осяками, т. е. кетоязычными осяками (Кюннер, 1961: 17); М. А. Кастрен: Бома – предки самодийцев; имели мотыжное земледелие (развитая земледельческая терминология). У протосамодийцев было развито коневодство наряду с реликтами старинного оленеводческого хозяйства, по мнению Кастрена. Мы склонны вслед за М. А. Кастреном соотносить Бома с какими-то протосамодийцами, пробуя «отыскать» следы таинственных «пеголошадных», или Бома, как в этнонимных названиях автохтонного населения исторической Даурии – хори-бурят и тунгусов. Во-первых, значение соционима Бома коррелирует с названием одного из племен монгольского периода как Олхонүүд (или олхонуты). Этноним «олхонуты» (алаг <олх(о) + нүүд (суфф. множественности монг. яз.)) известен как именование племени матери Темуджина (Чингиз-хана) – Оэлуун. Согласно тексту «Сокровенного сказания монголов», олхонут – средневековый этноним исторических монголов, ветвь унгиратов (см.: Козин, 1990). Олхонуты состояли из трех крупных семейств: Алаг-Адуут (пестроконные), Шар-Хоньт (желтоовечные) и Улаан-Залаат (краснокистные).

В современное время потомки олхонутов проживают в 23 сомонах девяти западных аймаков Монголии (материал заимствован из «Википедии»). В топонимии Восточного Забайкалья имеется ороним Алханай, ороним Айралжан-Хатан (Титовская сопка – название горы в пригороде Читы), значения которых, на наш взгляд, сопряжены с древнемонгольским этнонимом Олхонүүд. Если в топониме Алханай сохранена топооснова, коррелирующая с этноосновой Олхо-(н)үүд, то бурятское название Айралжан-Хатан [Эрээ(л)джэн-Хатаан] также переводимо как «пестрая/пегая хозяйка» (букв.), потому что в бурятском языке атрибутивы эрээ(н)/эрээгшэ(н) (букв. пеструха, пеганка (о корове); 2. атр. пестрая, пегая; эрээгшэ үнээн пестрая (или пегая) корова) означает 'пестрый' / бур./ (см.: БРС, 1973: 771), равно как и в монгольском – алаг; эрээн 'пёстрота' / мо./ /1. цоохор, тарлан, эрээн 'пёстрый' /мо./ . Заметим, что соционим алакчин трактуется из ряда алтайских языков, где алаг или алха означают из языков «пестрый, пегий», включая тюркские и маньчжурский.

На территории Республики Бурятии имеется ороним Ольхон – название острова на оз. Байкал, значение которого, полагаем, сопряжено с кетским *əlejn*, *əlejaŋ* 'остров' (Comprehensive Dictionary of Ket, 2015: 425), что служит топонимическим «подтверждением» того, что этими алакчин могли быть какие-то и кетоязычные племена, «оставив» свой след в виде прецедентного топонима Ольхон. Исследование топонимии Ольхона и Приольхонья подвело ученых-ономастов к трактовке топонима Ольхон от «древней лексемы олхон/улхан, которая наряду с современным значением 'наплыв на дереве', в древнемонгольском языке обладала ныне утраченным значением 'холм, бугор, пригорок; суша'. Архаическое значение лексемы п.-мо. *olgan*, мо. олхон 'суша, холм' зафиксировано «Большим академическим монгольско-русским словарем» (Сундуева, 2010: 6). Е. В. Сундуева объединяет в один ряд с о. Ольхон и ороним Алханай (хотя это гора на территории Забайкальского края, не остров), что требует детального анализа во избежание внутриязыковой омонимии. Мы склонны понимать топоним Ольхон из кетского языка, хотя и не исключая наличия трансферентно-конвергентных в топонимической лексике, когда условно древнемонгольский язык имел в свое время заимствования из разных языков, в том числе и кетского. А ороним Алханай возможно связать с монгольским этнонимом Олхонүүд.

Таким образом, сопоставление значений разноразных апеллятивов и атрибутивов позволяет выявить концептуальную семантику онимов Бома и Пегая Орда (монгольского периода) как «хозяев» пегих лошадей, или пеголошадных конников. И оним (экзоним) Бома являлся

именованием так называемых северных варваров, каковыми считали ханьцы кочевников, обитавших к северу от них. Поэтому возможно идентифицировать этих Бома как с предками современных монголоязычных бурят, так и с предками части современных русских Забайкалья как потомков тунгусского населения Нерчинского уезда XVII–XIX вв. В данном аспекте любопытно сопоставить китайское именование таинственных Бома – экзонимное хэцзы с генонимом хоринских бурят – Хуацай/Хоацай.

Во-вторых, опора на архивы Государственного архива Забайкальского края позволяет нам описать тунгусов как оседлое население. Анализ архивных документов позволяет утверждать о наличии пашенного земледелия у тунгусов Нерчинска. Часть тунгусов Почегорского рода у зайсана Хрисанфа Нарышкина (общее число рода – 239 душ) занимается хлебопашеством – 71 душа, не занимается хлебопашеством – 168 душ населения рода, которые «Кочуют юртами в урочищах, занимаются возделыванием земли и скотоводством, а также звероловством, подать платят деньгами» (ГАЗК, ф. 55, оп. 2, д. 4).

В Шилкинском районе нам показывали сохранившиеся остатки оросительных сооружений, оставшихся от населения XVII–XVIII вв., относящихся, естественно, к тунгусскому населению бассейна р. Шилки. Все эти факты позволяют усматривать в тунгусском населении Нерчинска некие черты, проявляющие сходство с древними Бома.

При этом заметим, что геноним (родовое имя) тунгусов Почегорского рода мы склонны трактовать как самоедоязычный, т. е. значение генонима объяснимо только из средств селькупского языка. Ранее мы уже описывали семантическую и лексическую корреляцию таких древних этнонимов, как самоед и хамниган (Жамсаранова, 2018: 87–96), что позволяет усматривать в далеких предках бурят и тунгусов древних самодийцев.

В-третьих, возможно предположить, что зафиксированный китайскими хронистами оним Бома трансформировался со временем в собственно этноним, а именно – политоним Пегая Орда. Попутно отметим наличие просторечного онима как пяки, что, возможно, является ранней формой позднего онима Пегая Орда периода монголов. Возможность подобного сравнения обусловлена следующими соображениями, обусловленными записками С. В. Максимова XIX в., оставившего сведения о народах, населяющих восток России. С. В. Максимов описывает самогиров, гольдов, тазов, манегров и другие мелкие племена побережья Амура как племена с рыбопромысловым типом хозяйствования. По-видимому, следует их сопоставить с поколениями хэцжэ, фякэ, элунчунь, которые «назад тому за полтора века известны были под общим китайским названием юй-пъхи-да-цзы, что значит „рыбокожие инородцы“. Н. Я. Бичурин относит их к так называемым тунгусским поколениям, обитавшим от Уссури на восток и платившим ясак соболями. Так китайцы называли их потому, что сии дикари носили одеяние из рыбьих кож. Впрочем, они кроме рыбьих кож и ныне употребляют и собачьи, и оленьи кожи» (см.: Бичурин, 2002: 230), что дает основание полагать об их и совсем не тунгусо-маньчжурском этноязыковом начале, возможно и кетское, и самодийское, что обусловлено общностью их типа хозяйствования. Описанные Максимовым самогиры, как и название тунгусского рода Шамагир, могут быть теми самодийцами (вследствие общей основы *сам-*, которую возможно сопоставить с известным всем *самоядь*, или *сомаедь*), т. е. самоедоязычными племенами, «оставшимися» в этнической среде поздних хори-бурят как хамниган(ы). Попутно заметим о наличии одного любопытного мнения, а именно, что в финском языке значение «племя» передается как *Näme*, *Nämeläiset* (тавасты), которое в древнерусском языке передавалось как экзонимное «емь (емь) или Гамская земля». Местонахождение еми с древних времен известно – это *Nämeenmeie* (Гамская земля), т. е. Тавастланд в Финляндии, пишет известный ученый-историк А. И. Попов, ссылаясь на мнение И. А. Шёгрена, изложенной в статье «О местах прежнего обитания еми» 1832 г. (см.: Попов, 1973: 87). В связи с этим возникает вопрос о дальнейшем детальном изучении такого соционима/политонима, как самоедь, а также и саам(ы), которое, вероятно, связано с древним этнонимом емь.

Упоминаемое название приамурских *фякэ* любопытно связать с этнонимом ненцев (северно-самодийского народа) *пняк(и)*. Пняк(ами) именуют в современном ненецком языке группу так называемых лесных ненцев. Вероятно, также можно связать с упомянутым Н. Я. Бичуриным онима «бице-бике» как транслитерированное *фякэ* или *пняк(и)* как один и тот же экзоним, записанный китайскими хронистами. Подобное сопоставление возможно хотя бы предварительно. О самоедоязычности ранних хори-бурят может свидетельствовать описанное большое число селькупских и ненецких, а также нганасанских имен в исторической антропониимии хори-бурят (Словарь, 2022), обусловленное самоедоязычным топонимическим субстратом Восточного Забайкалья в том числе.

Другими словами, можно определить предварительную гипотезу об этноязыковой принадлежности какой-то части средневековых Бома как прежде всего самоедоязычную. При этом, напомним, что мы учитываем как «возраст» онима, так и пространственные характеристики онима. В нашей попытке корреляции позднего онима Пегая Орда как «Большого Лося сильный народ» с ранним Бома «пеголошадными» мы стремимся не к какому-то простому сопоставлению данных онимов, а прежде всего описать моменты исторического функционирования онима, включая и трансформации концептуального значения данных онимов. Оказалось, что сближает эти два онима с третьими онимами (топонимами Айралжан-Хатан, Алханай) именно их глубинное, концептуальное значение.

Лингвистически это корреляция апеллативов пняк ~ пняк ‘лось’ /сельк./ (этноним «Большого Лося сильный народ») / пняк(и) или фякэ «лесные ненцы» / <йелочжи>/<элочжи> (кит. транслитер.) / хэла (или хэцы) (по Кюнеру) / <йылан>/<алаты>/<алааты> (кит. транслитер.)/«алайи суц. ‘Алаец (человек из юкагирского племени алайи)’» /юк.). Затем посредством уже каких-то тюркских или монгольских языков (как и каких-то тунгусо-маньчжурских) «меняется» лексически этот же оним до алха «пестрый, пегий» /тюрк./; /ма./ до бурятского алаг ‘I 1. полосатый, белобокий, пегий (о масти)’ /бур./: ал шара ‘уст. красно-желтый’, которое синонимично бурятскому эреэн/эрэ(л)дж <эреэ(н) – ‘пёстрый’ /бур./ . Лексемы монгольских языков эреэн/эрэ(л)дж <эреэ(н) – ‘пёстрый’ /бур./, алаг; эреэн ‘пёстрота’ / мо./ /1. цоохор, тарлан, эреэн ‘пёстрый’ /мо./ сопоставимы с селькупским атрибутивом пнягэрал ~ пнягэрэл ~ пнягры ~ пнякра ‘пятнистый, пестрый’ /сельк./ в плане семантики.

В аспекте онимики возможен следующий ряд: 𐰽𐰺𐰍-𐰽𐰺 [bo-ma] ‘пегая (пятнистая) лошадь’ – Олхонүүд (название племени у монголов от мо. алаг (морь) «пегая лошадь»¹) – Пегая Орда – государство Хэцы/Хэла (в кит. передаче) – Алат(ы) /тюрк./ – Алайи /юк./ – Хуацай (геноним хори-бурят). Предполагаем, что условно тюркоязычное, или же маньчжурское, именование некоего народа как ала-ат (т. е. алаты) это то же самое, что и геноним Олхонүүд монголов, которое в свою очередь то же самое, что китайское 𐰽𐰺-𐰽𐰺 Бома «пеголошадные». А также вышеупомянутые экзонимы йелочжи>/<элочжи> (кит. транслитер.) это, по сути, тюркско-маньчжурское алаг (ала-ат), или алха.

Такие этнотопонимы, как оронимы Алханай и Айралжан-Хатан (Титовская сопка) (название горы в пригороде Читы), образованы от тюрко-маньчжурского Ала-ат, т. е. «пестро-, пеголошадные» племена.

Наиболее близко по значению к понятию «пеголошадный»/«пестролошадный» это значение генонима хори-бурят – Хуацай или Хоацай, которое мы трактуем как имя собственное предводителя рода или племени, могло быть Хуа(а)-Уха(а)- (что, в принципе, семантически одно и то же. – Р. Ж.) с добавлением китайской лексемы -цзя, означающей гражданский титул предводителя в китайской транскрипции, – Хуа-цзя «каурий (саврасый) конь-цзя». Позже в бурятском языке финальное -цзя трансформировалось в -сэ (письм. -сай). Сочетание -цз’-

¹ Следует учитывать историческую «давность» этнонимов, часто искаженных при транслитерации посредством третьих языков, что отражается в морфологии онимов.

китайского языка передалось как устное бурятское -с-, переднеязычная -я- – в заднеязычное бурятское -э. Письменный вариант китайского -цзя в современном бурятском отразился в форме -сай > -сэ (уст.). В итоге записаны формы Хоацай (по Б. О. Долгих, 1962: 332), Хуацай (по документам ГАЗК). По поводу финали -цай генонима Хуацай мы полагаем, что -цай – это трансформированное -цзя. Известно, что цзя – это некий титул предводителя «северных варваров». Н. В. Кюннер пишет, что у северных варваров фуюй «чиновников называют по шести видам скота. Имеются лошадь-цзя, бык-цзя, боров-цзя, собака-цзя, собака-ши» (Кюннер, 1961: 228).

По поводу финали -цзя экзонимов типа хуба-цзя возможно с осторожностью предположить о том, что это лексический рефлекс оригинального китайского 家 [цы] ‘род’ (см.: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%AE%B6>), что позволяет понимать, к примеру, хуба-цзя как переводной вариант «аборигенных» этнонимов типа «лошадь-цзя, бык-цзя, боров-цзя, собака-цзя». В итоге возможно сопоставить финаль экзонимного хэ-цы с финалью экзонимов лошадь-цзя, бык-цзя, боров-цзя, собака-цзя, т. е. «род лошади», «род быка», «род борова» (?), «род собаки». Данный иероглиф 家 имеется в словах «1) семья, семейство; род; дом, двор (как семья); дома, в семье; домой; семейный, фамильный; 4) свой дом, своя семья; родные места; родной; мой (обычно о родственниках, чаще о старших); 5) родня, родственники; самый родной человек; муж; жена», что коррелирует с основным значением/понятием данного иероглифа – 家 [цы] ‘род’. Однако при этом остается неясным значение китайского экзонима хэ- онима хэ-цы, а также то, каким образом хэ-цы соотносится с хэ-ла.

Ранее мы уже предположили, что первоначально лексическая форма позднего генонима Хуацай как Киасей² могла быть šəŋ ‘люди, народ’ + æssə /сельк. кет. д./ ‘отец’ (Жамсаранова, 2009: 62). И вот почему. Боевым кличем у некоторых родов хори-бурят – Бодонгут, Батанай, Хальбин, Саган – считают восклицание шиу-а-о/шиуу-а, непереводаемое с монгольских языков. Возможно, что боевой клич обнаруживает лексическую связь с былым самоназванием šəŋ ‘люди, народ’, которое в транскрипции сопоставимо с боевым кличем чиэнг [tʃiæŋ]. Почему бы не предположить, что в качестве боевого клича племя использовало свое самоназвание, которое со временем, утратив свое исконное значение, тем не менее осталось у поздних родоплеменных сообществ? Во всяком случае бурятское шиу-а-о по звучанию близко к этнонимному šəŋ [tʃiæŋ]. На основании этих сопоставлений геноним Хуацай можно считать одним из древних этнонимных названий Северной Азии, что, естественно, не исключает и появления вторичного семантического плана этого названия.

Вторичное значение могло появиться на базе версии Ц. Б. Цыдендамбаева о тюркоязычном происхождении генонима Хуацай, а именно, что «в тюркских языках употребительно слово „куба“ в значении „светлый, светло-серый“, которое в якутском языке значит и „лебедь“» (см.: Цыдендамбаев, 2001: 151). Если следовать гипотезе Ц. Б. Цыдендамбаева, которая связывает этимологию генонима Хуацай с именованьем масти коня, то в древнетюркском словаре находим *guba* ~ *хуба* – ‘цвет между красным и желтым; *guba at* – ‘светло-бурая (~саврасая) лошадь’. Очевидно лексико-семантическое совпадение древнетюркского *guba* с бурятским хуаа ‘песочного цвета, каурый (о масти лошади)’ или ухаа ‘каурый (о масти); светло-каштановый (о цвете)’. Не исключено, что в структуре онима произошедшие трансформации обусловили «потерю» интервокального -б- онима Хуба-цзя ‘конь саврасый-цзя’ (д.-тюрк.) и «появление» Хуа-цзя. По своему значению оним Хуа-цзя совпадает с *guba* ~ *хуба* – ‘цвет между красным и желтым /д.-тюрк./, синонимично *ухаасай* ‘каурый’ /бур./. Заметим, что в бурятском языке слова *хуаа* и *ухаа* ‘каурый, светлорыжий – о коне’ представляют собой синонимы. При

² В документах Г. Ф. Миллера название Хуацай передано как Киасей (Коацейский, Коацайский), который в 1723 г. насчитывал 240 душ ясачных инородцев. У Б. О. Долгих также дано как Киасей/Коацейский/Коацайский (Долгих, 1962: 331).

этом проявляется явление метатезы в лексической форме синонимов, однако восходят, как и все другие лексемы монгольских языков именованию масти коня, к древнетюркской праформе *guba* ~ *хуба* (Рассадин, 1982: 41–42). Семантическое тождество бурятских атрибутивов *хуаа* и *ухаа* подтверждается и нашими полевыми материалами, в которых название Хуацай записано как Ухаасэ (Ухаасай)³. Из полевых записей очевидно, что у бурят неразличимы понятия «саврасый» и «каурый» как масти коня.

Если учитывать то, что народ Бома обитал и на территориях, которые сейчас относятся к ойкумене бурят, связывая протобурят с Бома, Алакчин и олхонутами (а также поздней Пегой Ордой монголов), то выявляется возможность связи ранних Бома и Пегой Орды с поздней Пегой Ордой под предводительством селькупского князька Вони, границы которой сместились намного к западу, вплоть до Западной Сибири, согласно картам XVII в.

Учитывая описанные селькупско-бурятские лексические соответствия, мы полагаем, что эти Бома (соседствовавшие с китайцами. – Р. Ж.) действительно были самодийцами. Прежде всего, северно-самодийцами, утратившими к VII–VIII вв. оленеводство и начавшими переход к скотоводству, органично вливаясь в орбиту монгольского мира. Однако и селькупы как южно-самодийское племя также составили основу части хори-бурятских родов. Причем через «посредство» такого экзонима, как хамниган(е), под которыми разные исследователи «подозревают» разные этносы, этнические группы. Мы же в свою очередь судим прежде всего о самоедах, «превратившихся» в хамниган, основываясь на лексических соответствиях селькупского и бурятского языков.

В китайском сочинении «Вэньсяньтункао» говорится о том, что народ туцзюэ называют бома хэла или хэцы, а их государство – Хэла/Хэцы. Страны их близки к Северному морю (Байкалу) (Кюнер, 1961: 52). Территориально это совпадает с расселением собственно хори-бурят, одним из многочисленных родов которых и считается род Хуацай. Обращает на себя внимание одно из приведенных названий народа бома – хэцы. Не может ли быть название хэцы аналогом бурятского генонима Хуацай?

В ненецком языке самоназванием является древнее хасово (хасава /нен./ ‘1. мужчина. 3) восточный ненец (самоназвание)’), тогда как современное именование – ненэй/ненэче, нещанг. Устаревшие названия – экзонимы, т. е. так называли эти племена соседние с ними народы, это самоеды, юраки. Так, в ненецко-русском словаре Н. М. Терещенко мы обнаружили, помимо ряда лексем с основой хас-, и апеллятивное хасё ‘1. образн. мужчина; 2. (с прописной) Хасё (имя собств. мужск.)’ (НРС, 1965: 757), от которого, вероятно, и могло «образоваться» родовое название Хуацай, или Хоацай, через личное имя ХАСАЕВЪ (исходное ХАСА). Вероятно, что данное имя представляет собой исторический антропоним, впоследствии возможно и эпоним, так как именно от данного имени, значением которого является ненецкое «мужчина», впоследствии апеллятив со значением «человек» перешло в статус сначала эпонима, а впоследствии – поздней формой генонима Хоацай или Хуацай. Известно, что при переходе с одного языка на другой в условиях билингвизма наиболее устойчивой является архаичная лексика, к которой можно отнести и родоплеменные названия. Поэтому предположительно некогда бывшее самоназвание бывших самодийцев как Хасё «пережило» передачу посредством разных языков. Когда наименование рода или племени «используется» разными народами посредством разных языков, оно поневоле становится то экзонимом, то этнонимом. Поэтому этнонимное, к примеру, Хасё, превратившись со временем в экзоним, т. е. именование соседнего рода или племени неким иным народам, например, тем же маньчжурам или монголам эпохи Цинь, вынуждено было «приспособиться» к языковым нормам автохтонного населения. Как правило, из-за этих условий чрезвычайно сложно реконструировать исходную морфоло-

³ Устное сообщение Будаевой Лыгжит, 1907 г.р., из рода Ухаасэ (Барун-Хуацай), проживавшей в Хилокском районе, ст. Бада (ПМА, 1992).

гию, а заодно и значение как этнонима, так и экзонима. Экзоним со временем, как это часто бывает в истории, стал именованием уже изменившегося этноса, «приобретая» при этом и так называемый вторичный план значения, помимо своего исконного значения. Мы уже писали о том, что этнонимы и экзонимы имеют два плана значения – собственное («вторичное») значение и до-этнонимное значение (Жамсаранова, 2014: 42–51). Как правило, до-этнонимное значение со временем в сознании человека/народа утрачивается, «стирается», так как исчезает язык, из лексики которого и появилось данное имя или название. В условиях уже иного языкового сознания «образуется» другое значение – собственное или вторичное.

В плане этимологии экзонимное Хуацай/Ухаасэ возникло позже, чем собственно этноним Киасей от *šeñ* ‘люди, народ’ древнего самоназвания палеоазиатов-енисейцев⁴. Затем оно стало обозначать родовое объединение уже иного по своей языковой принадлежности народа, имеющего этническую связь с самодийцами в своем историческом прошлом. И, по-видимому, именно от такого имени личного, как ненецкое Хасё, и появилось «новое» Хуацай. Посредством маньчжурского языка образовалось финальное -цай от китайского -цзя. Основа родоплеменного имени хуа- «образовалась» в условиях тюркоязычности автохтонов, т. е. посредством какого-либо тюркского, вероятно якутского, или южно-сибирских языков как перестройка формы в угоду меняющегося значения именованного. Добавим, что в своде до-тибет-монгольских имен рода Хуацай, а именно Зунь-Хуацай, обнаружились личные имена ХОСЫ; ХОЦОНА⁵ (Словарь, 2022: 243–244), которые возможно сравнить с ненецким Хасё.

Таким образом, до-этнонимное значение онима, выражающее самоназвание племени времен древних палеоазиатов (кетов или юкагиров), в следующую эпоху – тюркскую – приобрело вторичную семантику, связанную с обозначением уже масти коня. Трансформации значения онима органично связаны и с эпохой той этнической единицы, языковое пространство которой он обслуживает, а также со временем своей функциональной значимости. В последующие времена оним «остался» только как геноним Хуацай/Хоацай уже монголоязычных бурят, потеряв, естественно, свое исходное значение, как и форму. Исследование до-тибет-монгольских личных имен бурят рода Зунь-Хуацай позволило доказательно постулировать ненецкое начало генонима от апеллатива хасё «мужчина», т. е. «человек».

Немаловажны и этнографические сведения о ценности понятия «пёстрый» у бурят вообще. В фольклорных текстах бурят понятие «пестрый» транслируется посредством ряда зооморфных образов. В фольклоре эхиритов⁶ имеется мотив первопредка пестрой рыбы-налима, в фольклоре тункинских бурят функционально значим мотив пестрого порога-быка как первопредка. При этом следует также иметь в виду, что рыба-тотем – тотем самодоязычных селькупов, в частности именно налим⁷, отличающийся «пестротой» окраса, т. е. на боках рыбы имеются светлые округлые пятна на сером или буром фоне основного окраса. Бык-тотем – тотем тюркоязычных народов, распространенный у многих сибирских тюрков. У тункинских бурят тотемным первопредком является бык-порог – Буха-Нойон.

Таким образом, исследованный семантический потенциал средневековых этнонимов, сохранившихся посредством китайских хроник, обнаруживает понятийную «премственность», лексическую «изменяемость» или вариативность с учетом передачи посредством разных одного и того же концептуального значения в разные эпохи. Корреляция семантики исторических онимов позволяет связать в единое этноязыковое сообщество поздних хори-бурят че-

⁴ В юкагирско-русском словаре имеется лексема чии «люди» (С. 549), схожая с самоназванием енисейцев *šeñ* ‘люди, народ’.

⁵ Есть и другие имена: Хаши, Хашинь, Хоши, Хошихоев, Хошиев, Хошкеев, Хошияхай – всего 32 единицы личных имен с антропоосновой хаш-/хош-. В ауслауте -с обычно «переходит» в -ш или в -ц в бурятском языке.

⁶ Эхирит(ы) – название одной из двух групп западных бурят.

⁷ Имеется подвид у рода Хальбин хори-бурят – Гутаар-Хальбин, где гутаар ‘налим’ (бур.).

рез геноним Хуацай/Хоацай с Пегой Ордой, Олхонүүд эпохи монголов, страной Алакчин времен господства тюрков как бывших кето- и самоедоязычных племен далекого исторического прошлого монгольской ойкумены.

Литература:

- Бичурин Н. Я.** (Иакинф). Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Наука, 1950. 381 с.
- Бичурин Н. Я.** Статистическое описание Маньчжурии, Монголии, Восточного Тюркистана и Тибета // Статистическое описание Китайской империи: в 2 ч. М.: Вост. дом, 2002. 464 с.
- Буряад-ород словарь = Бурятско-русский словарь (БРС)** / сост. К. М. Черемисов. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.
- Государственный архив Забайкальского края.** Ф. 55, оп. 2, д. 4. 1107 л. Кужертаевская: налоговые документы. Сведения о родившихся и умерших. Материалы об избрании заседателей в думу. Ведомости об оспопрививании, состоянии хлебозапасных магазинов, взыскание долгов. Материалы по уголовным преступлениям.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.** Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. II. 448 с.
- Гумилев Л. Н.** Древние тюрки. М., Л.: Наука, 1967. 512 с.
- Гумилев Л. Н.** Древние тюрки. СПб.: СЗКЭО: Кристалл, 2003. 576 с.
- Гумилев Л. Н.** Хунну. М.: Наука, 1960. 260 с.
- Гурулев С. А.** Что в имени твоём, Байкал? 2-е изд., перераб. и доп. / ответ. ред. Л. Д. Шагдаров. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1991. 168 с.
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. // [соч.] Владимира Даля. 3-е изд., испр. и знач. доп. / изд. под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1903–1911.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 622 с.
- Жамсаранова Р. Г.** Этнонимы и генонимы хори-бурят: лингво-историческое исследование. Чита: РИК ЧитГУ, 2009. 228 с.
- Жамсаранова Р. Г.** Концептосфера средневековой монгольской этнонимии. Чита: Экспресс-издательство, 2013. 288 с.
- Жамсаранова Р. Г.** Онимы Нелюдский острог (Нерчинский острог), Никанское царство и государство Гоу-Го в аспекте цивилизационных процессов Северной Азии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2014. № 2 (4). С. 42–51.
- Жамсаранова Р. Г.** Экзонимно-этнонимные названия самоед и хамниган // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 3 (21). С. 87–96.
- Зуев Ю. А.** Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бома, яньмо, гуй) // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 15. Алма-Ата, 1962. С. 104–122.
- Зуев Ю. А.** Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
- Илюшенко С. И.** К вопросу о нахождении и культурной принадлежности алатов во второй половине I тыс. н. э. // Древний и средневековый Восток. М.: Наука, 1985. Ч. 1. С. 127–138.
- Илюшин А. М.** Страна Бома. Миф или реальность? // Вестник Кузбасского государственного технического университета, 2007. С. 109–113. <https://cyberleninka.ru/article/n/strana-boma-mif-ili-realnost/viewer> (дата обращения: 20.10.2021).
- Китайско-русский словарь (КРС)** / под ред. Ся Чун И. Пекин: Изд-во Ун-та иностр. языков г. Шанхая, 1992. 1250 с.
- Козин С. А.** Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 318 с.
- Кюннер Н. В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 390 с.
- Максимов С. В.** На Восток / Собр. соч. Ч. II. СПб., 1909. 3-е изд. 360 с.
- Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.
- Монгол-орос толь = Монгольско-русский словарь (МРС)** / под общ. ред. Лувсандэндэва. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. 715 с.
- Ненецко-русский словарь** / сост. Н. М. Терещенко. М.: Советская энциклопедия, 1965. 942 с.
- Пелих Г. И.** Материалы по селькупскому шаманизму // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–70.
- Попов А. И.** Названия народов СССР: Введение в этнонимистику. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 172 с.
- Рассадин В. И.** Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.

- Савинов Д. Г.** Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. 215 с.
- Савинов Д. Г.** Основные этапы этнической истории алатов // Историческая этнография. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 30–37.
- Селезнёв А. Г.** Алат и йылан (историко-этнографический этюд) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (этнография). Омск: ОГУ, 1992. С. 28–32.
- Селезнёв А. Г.** Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
- Селькупско-русский диалектный словарь (СРДС)** / под ред. проф. В. В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
- Словарь исторической антропоники хори-бурят** / Р. Г. Жамсаранова, В. И. Алтаева, З. Д. Бардаханова; науч. ред. Р. Г. Жамсаранова. Чебоксары: Среда, 2022. 332 с.
- Сундуева Е. В.** Топонимия Ольхона и Приольхонья (семантика онимических основ). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 128 с.
- Ушницкий В.** Загадка племени бома // Северо-восток России на рубеже XIX–XX веков: власть и общество: материалы Всероссийской научно-практ. конф. с межд. участием, посв. 150-летию со дня рождения губернатора Якутской области И. И. Крафта (20 мая 2011 г.). Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2012. 185 с. С. 103–109.
- Ушницкий В.** К вопросу о прибайкальской локализации племени бома-алаты (по сведениям китайских источников) // Проблемы востоковедения. 2015. № 4 (70). С. 45–48.
- Харинский А. В.** Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2001. 199 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б.** Бурятские исторические хроники и родословные как источники по истории бурят. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2001. 256 с.
- Чиндина Л. А.** Пегая орда – большого лося сильный народ // Вестник Томского государственного университета. История, 2013. № 3 (23). С. 91–96.
- Юкагирско-русский словарь (ЮРС)** / автор-сост. Г. Н. Курилов. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
- Comprehensive Dictionary of Ket. Vol. 1 / Edited by Elizaveta Kotorova, Andrey Nefedov, 2015 / Большой словарь кетского языка. Т. 1. LINCOM GmbH. Published by LINCOM GmbH. 2015. Muenchen.

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна.

Доктор филологических наук, доцент, профессор.

Забайкальский государственный университет.

Ул. Александрово-Заводская, 30, Чита, 672039.

E-mail: rebecca_zab@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28 мая 2023 г.

R. G. Zhamsaranova

PEGAYA (MOTLEY) HORDE OR BOMA: THE SEMANTICS OF ONYM AND THE CONCEPTUAL MEANING

The article is devoted to another attempt to determine the ethnolinguistic affiliation of one of the most enigmatic polytonyms of pre-Russian Siberia – Pegaya Horde as a name for the entire population of a given territory, without taking into account their ethnic, linguistic, and cultural identity. Under the politonym, Pegaya Horde all nomadic peoples of Siberia were united in the post-Mongol era. In the pre-Mongol (or Mongol) era, Chinese chronicles recorded the polytonym Boma “skewbald” (騃马 [bo-ma] 'skewbald (spotted) horse') or Alakchin (as well as Alats) as the name of a particular tribe that had skewbald (different, motley) horses. If the first part of the socionym Pegaya Horde is conceptually connected with Boma, Alakchin, Alats, and the Olkhonud tribe of Mongols, the base of which is connected with the Altaic appellative alag / alha 'motley, piebald,' then the second part of the socionym – Horde, is connected with the Mongolian ard 'l. arat, worker; people; ard tumen *parn*. people'. The mysterious Boma's localization corresponds to the Mongol ecumene area, which geographically coincides with the northeastern part of the modern Transbaikalian territory, including the northern areas of China – Manchuria, Khulunbuir and Hailar. An analysis of the meaning of these onyms, usually associated with Mongol ecumenism, allowed us to assume that the Olkhonyyd onym of the Mongols, as well as Boma, Alakchin and Alat ('s), have a Samoyedic origin. Note that the term "motley" is ethnographically embedded in key images of the Buryat-Mongol world. In addition, we have compared the synonymous Boma onym as *hetsy* (or *khela*),

recorded by Chinese chroniclers as another name for the Boma people, with the genonym Huatsai / Hoatsai Khor-Buryat. The genonym Huatsai / Hoatsai as the name of one of the largest clans of the eastern group of the Buryats – the Khor-Buryats – has a similar meaning to the anthroponym KHASAEV, which was recorded in the census of the indigenous people of the Irkutsk province of Aginsky Steppe Duma for 1830 and is the personal name of the Buryats of the Huatsai clan. We compare the name KHASAEV (in the name of KHASA) in the Buryat census for 1830 with the Nenets Khasyo, but without excluding the possibility of comparing this historical anthroponym with the proper name of the Nenets – Khasava '1) male; khasava Ытсеky boy'; hasava nu 'son.' Further analysis of this personal name KHASAEV made it possible to compare its meaning with the Nenets hasho '1. figurative man; 2. (with a capital) Hasyo (masculine proper name)', which suggests to us that the genonym Huatsai was formed from this name, which was once an eponym. The Samoyedic-speaking beginning (and some Ket-speaking tribes) is observed in the genonymy of the Khor-Buryats and Tungus of Gantimur in the Nerchinsk district of the 17th–19th centuries as the autochthonous population of the historical Dauria of the Russian period in the history of Eastern Transbaikalia. Based on the onomasiological approach, the method of conceptual metaphor as an effective method, coupled with the method of conceptual metonymy, was constructive and allowed to describe the pre-ethnonymic and self-ethnonymic meanings of historical onyms in the projection of nomadism, which have a self-descriptive (including Ket) ethnolinguistic origin.

Keywords: Boma, Pegaya Horde, Alakchin, Olkhonyyd of the Mongols, Chinese hetsy, genonym Huatsai / Hoatsai Hori-Buryat, revisionary narratives of 1830, piebald, Samoyedic-speaking tribes, “motley”

References:

- Bichurin N. Ya.** (Iakin). Sbranie svedenij o narodah obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena. [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Vol. 1. M.; L.: Nauka, 1950. 381 p. (in Russian).
- Bichurin N. Ya.** Statisticheskoe opisanie Man'chzhurii, Mongolii, Vostochnogo Tyurkistana i Tibeta. [Statistical description of Manchuria, Mongolia, Eastern Turkistan and Tibet]. Statisticheskoe opisanie Kitajskoj imperii: V 2-h ch. M.: Vost. Dom, 2002. 464 p. (in Russian).
- Buryad-orod slovar' = Buryatsko-russkij slovar' (BRS)** [Buryad-Russian Dictionary]. / sost. K. M. Chermisov. M.: Sov. encikl., 1973. 804 p. (in Russian).
- Gosudarstvennyj arhiv Zabajkal'skogo kraja.** F. 55, op. 2, d. 4. 1107 l. Kuzhertaevskaya: nalogovye dokumenty. **Svedeniya o rodishih i umershih.** Materialy ob izbranii zasedatelej v dumu. Vedomosti ob ospoprivnii, sostoyanii hlebozapasnyh magazinov, vzyskanie dolgov. Materialy po ugolovnym prestupleniyam. [Kuzhertaevskaya: tax documents. Information about births and deaths. Materials on the election of assessors to the Duma. Newsletters about smallpox vaccination, the state of grain stores, debt collection. Materials on criminal offenses].
- Grumm-Grzhimajlo G. E. Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskij kraj. [Western Mongolia and Uryankhai region]. L., 1926. Vol. 2. 448 p. (in Russian).
- Gumilev L. N.** Drevnie tyurki. [The ancient Turks]. M.; L.: Nauka, 1967. 512 p. (in Russian).
- Gumilev L. N.** Hunnu. [Hunnu]. M.: Nauka, 1960. 260 p. (in Russian).
- Gurulev S. A.** Chto v imeni tvoem, Bajkal? [What's in your name, Baikal?]. 2-e izd. pererab. i dop. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1991. 168 p. (in Russian).
- Dal' V. I.** Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: v 4 t. Vol. 1–4. Sankt-Peterburg; Moskva: t-vo M. O. Vol'f, 1903–1911. (in Russian).
- Dolgi B. O.** Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII veke [Clans and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century]. / B.O. Dolgi. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960. 622 s. (in Russian).
- Zhamsaranova R. G.** Etnonimy i genonimy hori-buryat: lingvo-istoricheskoe issledovanie [Ethnonyms and genonyms of the Khor-Buryats: a linguo-historical study]. Chita: RIK ChitGU, 2009. 228 p. (in Russian).
- Zhamsaranova R. G.** Konceptosfera srednevekovoj mongol'skoj etnonimii [Conceptual sphere of Mongol ethnonymy]. Chita: Ekspress-izdatel'stvo, 2013. 288 p. (in Russian).
- Zhamsaranova R. G.** Onimy Nelyudskij ostrog (Nerchinskij ostrog), Nikanskoe carstvo i gosudarstvo Gou-Go v aspekte civilizacionnyh processov Severnoj Azii [Onims Nelyudsky Ostrog (Nerchinsky Ostrog), the Nikan Kingdom and the State of Go-Go in the Aspect of Civilizational Processes of North Asia] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2014. No 2 (4). P. 42–51. (in Russian).
- Zhamsaranova R. G.** Ekzonimno-etnonimnye nazvaniya samoed i hamnigan [Exonymous (alloethnonimic)-ethnonymous names Samoyed and Hamnigan] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2018. No 3(21). P. 87–96. (in Russian).

- Slovar' istoricheskoy antroponimii hori-buryat** [Dictionary of historical anthroponimic system of Khor-Buryats]. / Zhamsaranova R. G., Altaeva V. I., Bardahanova Z. D. / nauch. red. R. G. Zhamsaranova. Cheboksary: OOO «Sreda». 332 p. (in Russian).
- Zuev Yu. A.** Iz drevnetyurkskoj etnonimiki po kitajskim istochnikam (boma, yan'mo, gui) [From ancient Turkic ethnonyms according to Chinese sources (Boma, Yanmo, Gui)]. // Tr. IIAE AN KazSSR. Vol. 15. Alma-Ata, 1962. P. 104–122 (in Russian).
- Zuev Yu. A.** Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii. [The Early Turks: Essays on History and Ideology]. Almaty: Dajk-Press, 2002. 338 p. (in Russian).
- Ilyushenko S. I.** K voprosu o nahozhdenii i kul'turnoj prinadlezhnosti alatov vo vtoroj polovine I tys. n.e. [On the question of the location and cultural affiliation of the Alats in the second half of the 1st millennium AD] // Drevnij i srednevekovyj Vostok. M.: Nauka, 1985. Ch. 1. P. 127–138 (in Russian).
- Ilyushin A. M.** Strana Boma. Mif ili real'nost'? [Boma country. Myth or reality?]. // Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2007. P. 109–113. (in Russian).
- Kitajsko-russkij slovar' (KRS)** [Chinese-Russian Dictionary]. / pod red. Sya CHun I. Pekin: Izd-vo Un-ta inostr. yazykov g. Shan'hai, 1992. 1250 p. (in Russian).
- Kozin S. A.** Sokrovennoe skazanie mongolov [The Secret History of the Mongols]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1990. 318 p. (in Russian).
- Kyuner N. V.** Kitajskie izvestiya o narodah YUzhnoj Sibiri, Central'noj Azii i Dal'nego Vostoka [Chinese news about the peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East]. M., 1961. 390 p. (in Russian).
- Maksimov S. V.** Na Vostok [To the East]. / Sobr. soch. Ch. 2. SPb., 1909. 3-e izd. 360 p. (in Russian).
- Malyavkin A. G.** Tanskije hroniki o gosudarstvakh Central'noj Azii. Teksty issledovaniya [Tang chronicles about the states of Central Asia. Study texts]. Novosibirsk: Nauka, 1989. 432 p. (in Russian).
- Mongol-oros tol' = Mongol'sko-russkij slovar' (MRS)** [Mongol-Russian Dictionary]. M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovaroj, 1957. 715 p. (in Russian).
- Nenecko-russkij slovar'** [Nenets-Russian Dictionary]. / sost. N. M. Tereshchenko. M.: Sov. encikl., 1965. 942 p. (in Russian).
- Popov A. I.** Nazvaniya narodov SSSR: Vvedeniye v etnonimiku [Ethnonimic names of the peoples of the USSR; Introduction into the ethnonimic system]. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1973. 172 p. (in Russian).
- Pel'ih G. I.** Materialy po sel'kupskomu shamanizmu [Materials on Selkup shamanism] // Etnografiya Severnoj Azii. Novosibirsk: Nauka, 1980. P. 5–70. (in Russian).
- Rassadin V. I.** Ocherki po istoricheskoy fonetike buryatskogo yazyka [Essays on historical phonetics of the Buryat language]. M.: Nauka, 1982. 199 p. (in Russian).
- Savinov D. G.** Gosudarstva i kul'turogenez na territorii YUzhnoj Sibiri v epohu rannego srednevekov'ya. [States and cultural genesis on the territory of Southern Siberia in the early Middle Ages]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1994. 215 p. (in Russian).
- Savinov D. G.** Osnovnye etapy etnicheskoy istorii alatov [The main stages of the ethnic history of the Alats] // Istoričeskaya etnografiya. L.: Izd-vo LGU, 1985. P. 30–37. (in Russian).
- Seleznyov A. G.** Alat i jylan (istoriko-etnograficheskij etyud) [Alat and jylan (historical and ethnographic study)] // Et-nicheskaya istoriya tyurkskih narodov Sibiri i sopredel'nyh territorij (etnografiya). Omsk: OGU, 1992. P. 28–32. (in Russian).
- Seleznyov A. G.** Barabinskie tatary: istoki etnosa i kul'tury [Baraba Tatars: origins of ethnos and culture]. Novosibirsk: Nauka, 1994. 184 p. (in Russian).
- Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' (SRDS)** [Selkup-Russian Dictionary]. / pod red. prof. V.V. Bykonya. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2005. 348 p. (in Russian).
- Sundueva E. V.** Toponimiya Ol'hona i Priol'hon'ya (semantika onimicheskikh osnov) [Toponymy of Olkhon and Olkhon region (semantics of onymic bases)]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2010. 128 p. (in Russian).
- Ushnickij V.** Zagadka plemeni Boma [Boma Tribe Mystery] // Severo-vostok Rossii na rubezhe XIX–XX vekov: vlast' i obshchestvo: materialy Vserossijskoj nauchno-prakt. konferenc. s mezhd. uchastiem, posv. 150-letiyu so dnya rozhdeniya gubernatora YAKutskoj oblasti I. I. Kraffa (20 maya 2011 g.). Yakutsk: Izd-vo IGLIPMNS SO RAN, 2012. P. 103–109. (in Russian).
- Ushnickij V.** K voprosu o pribajkal'skoj lokalizacii plemeni boma-alaty (po svedeniyam kitajskih istochnikov) [On the issue of the Baikal localization of the Boma-Alaty tribe (according to Chinese sources)] // Problemy vostokovedeniya. 2015. No 4 (70). P. 45–48. (in Russian).
- Harinskij A. V.** Predbajkal'e v kon. I tys.do n.e. – ser. II tys.n.e.: genezis kul'tur i ih periodizaciya. [Cisbaikalia in con. I millennium BC – mid. II millennium AD: the genesis of cultures and their periodization]. Irkutsk, Izd-vo IGTU, 2001. 199 p. (in Russian).

Cydendambaev C. B. Buryatskie istoricheskie hroniki i rodoslovnye kak istochniki po istorii buryat [Buryat historical chronicles and genealogies as sources on the history of the Buryats]. Ulan-Ude: OAO «Respublikanskaya tipografiya», 2001. 256 p. (in Russian).

Chindina L. A. Pegayaorda – bol'shogo losya sil'nyj narod [Motley horde - big elk's strong people] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, 2013. No 3(23). P. 91–96. (in Russian).

Yukagirsko-russkij slovar' (YURS) [Yukagir-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2001. 608 p. (in Russian).

Comprehensive Dictionary of Ket. Vol. 1. Muenchen: LINCOM GmbH, 2015. (in Russian).

Zhamsaranova Raisa Gandybalovna.

PhD of Philology, assistant professor, professor of the Chinese department.

Transbaikal State University.

Aleksandro-Zavodskaya st., 30, Chita, Russia, 672039.

E-mail: rebecca_zab@mail.ru